

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

27 декабря 1986 г.

ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

Выставка «Жизнь, отданная танцу», или Печальная история одной пушкинской коллекции

Телефонный разговор с Эдуардом Александровичем Фальц-Файном был коротким: — Я только что общался с Сергеем Лифарем, — радостно сообщил Эдуард Александрович. — Он пригласил меня на свою выставку о балете, которая открывается в Лозанне. Приезжайте!

И вот вместе с Эдуардом Александровичем мы едем в Лозанну. Фальц-Файн приготовил сюрприз — магнитофонную запись устных воспоминаний Лифаря о Дягилеве, о знаменитом на весь мир Дягилевском русском балете, в труппе которого Лифарь, 17-летний воспитанник Киевской балетной школы Нижинской, начал свою карьеру, о Шляпине, о встречах с Пикассо.

Он удивительно рассказывает. Правда, я молодец, что догадался записать его на магнитофон, спрятав его в карман пиджака, — смеется Фальц-Файн. — Сергей, конечно, не подозревал об этом. Сейчас он тяжело болен. Не сможет присутствовать на открытии выставки...

ТАК оно и оказалось. За день до вернисажа Сергея Лифаря в тяжелом состоянии увезли в больницу. Выставка открылась в назначенный день и час, но без него. В отведенных для экспозиции пяти залах исторического музея «Ансьен Евеше» («Старинное епископство») на Кафедральной площади Лозанн было такое столпотворение, какого город не припомнит. Со всей Европы, но более всего из Парижа, которому Лифарь отдал 40 лет творчества, съехались его друзья, «звезды» балета, люди искусства, поклонники его таланта.

«Жизнь в балете в тысяче свидетельств», — так на другой день «Газетт де Лозанн» охарактеризовала эту выставку. — Богатейшее собрание документов, книг, произведений искусства.

Грустно рассказывать об истории этого уникального, теперь уже разрозненного, собрания, начало которому положил его основатель Сергей Дягилев (когда-то Лифарь привез из Парижа в Лозанну его архив на двух больших грузовиках!). Большая часть коллекции ныне распродана: сначала пошла с молотка редчайшая библиотека русских книг, затем уникальные документы, касающиеся истории балета. Но и то, что осталось, поражает воображение. Редчайшие фотографии, эскизы и костюмы к балетным постановкам, выполненные Бакстом, Бенуа, Леже, портреты Лифаря — маслом, графика, скульптура, — работы Пикассо, Сальвадора Дали, Жана Кокто, Миро, Шагала, Непо, Ива Брайера, Дерена, Африки с спектаклям, дипломы, переписка, авторские книги Лифаря, почетные награды, среди которых Золотая туфля — первая, учрежденная во Франции, премия в области балета. Она была присуждена танцовщику в декабре 1955 года. «Исключительно вдохновляющая экспозиция», — отмечала «Газетт де Лозанн». — Она воскрешает классическую эпоху хореографии. В день открытия выставки представителю мэрии города передал для Сергея Лифаря Золотую медаль «500 лет объединения Лозанны» в благодарность за его щедрый дар: экспонаты целиком переходят в собственность города.

«Один из самых выдающихся танцовщиков нашего

века и реформатор хореографии», как назвала его все та же «Газетт де Лозанн», известен в Советском Союзе многим. Поэтому стоит немного рассказать о нем.

Приехав в 1923 году в Париж, Лифарь был зачислен в кордебалет русской труппы. Вскоре способный юноша был замечен Дягилевым и выделен в солисты. Уже в 1925 году он дебютирует в роли Ворея в поставленном Леонидом Массиним балете «Зефир и Флора». В 1929 году Лифарь-хореограф осуществил первую постановку балета Стравинского «Лиса». Все, что как постановщик и танцовщик он принимал участие в 98 спектаклях. Сергей Лифарь основал Парижский институт хореографии и многие годы руководил им, был членом Академии прикладных искусств, является кавалером Большого креста Почетного легиона. «Он не только танцовщик и хореограф, он — мыслитель и историк балета», — писала в рецензии на выставку другая лозаннская газета — «Матэн». Эстетике балета посвящены многие книги Лифаря на русском и французском языках: «Страстные годы», «История русского балета», «Мой путь к хореографическому творчеству», «Моя жизнь», «Танец», «Дягилев».

ОБЕЩАННОЕ мне интервью с Сергеем Михайловичем не состоялось из-за того, что состояние его резко ухудшилось. Перед тем, как написать эту статью, я еще раз перечитала его книгу «Моя зарубежная Пушкинина», вышедшую в 1966 году в Париже, и на некоторые вопросы, которые собиралась задать ее автору, ответы в ней нашла. Мой первый, самый главный вопрос должен был затронуть судьбу знаменитой «пушкинской коллекции» Лифаря, которую он в свое время обещал вернуть на Родину. Я пыталась понять, почему же до сих пор этого не произошло. В вышеназванной книге приведено письмо Сергея Михайловича, направленное им 10 сентября 1964 года редактору издающейся в Москве газеты «Голос Родины». Написано оно было под влиянием опубликованного в той же газете обращения И. Зильберштейна к проживающим за границей соотечественникам с призывом возвращать на Родину художественные ценности, архивы, документы. В своем ответе Лифарь подчеркнул, что призыв этот «безусловно, заслуживает внимания», что последние отклики, и еще раз высказался за создание в Москве Музея личных коллекций соотечественников, а в Ленинграде — Театрального музея имени Дягилева, которому Сергей Михайлович предназначил свое богатейшее собрание. Еще раньше, в 1961 году, приехав в Советский Союз в качестве туриста, он говорил об этом со многими советскими деятелями куль-

туры, а позднее, в Париже, — с Ираклием Андрониковым и Иллей Эренбург. Эта идея — создание Музея личных коллекций — нравилась всем, но понадобилось более 20 лет, прежде чем было принято соответствующее решение! Благодаря энергичным, неутомимым усилиям И. С. Зильберштейна такой музей, наконец-то, создается, но — увы! — за это время многие из зарубежных коллекций безвозвратно исчезли. Нет уже замечательного дягилевского, пополненного Лифарем, балетного собрания. Боюсь, что та же участь постигнет и его пушкинскую коллекцию...

Пушкин в жизни Лифаря — трогательная и сама по себе уникальная страница. «Пушкин всегда был и будет моей путевой звездой», — писал он. Когда же началось увлечение Пушкиным? В книге Лифаря я нашла ответ и на этот вопрос.

«Мне трудно было бы определить в точности время, когда я стал пушкинистом. Я был им всегда, всю жизнь, с тех пор, когда впервые прочел божественные строки поэта. Пушкина я обожал, и когда Дягилев говорил мне о своей любви к Пушкину, его слова попадали на благодатную почву. Был, однако, чисто внешний толчок к моей активной деятельности в качестве собирателя пушкинских реликвий и текстов. В 1929 году умер Дягилев. Ко мне перешла часть его бесценных коллекций, в том числе пушкинские манускрипты-уникумы...

В зимний сезон 1928 года мы давали балетные спектакли в Монте-Карло, — продолжает Сергей Лифарь, — и здесь, на Лазурном берегу, в Канне, на одном из благотворительных спектаклей, я познакомился с его устроительницей — леди Торби. Для меня эта светская дама, жена великого князя Михаила Михайловича, была интересна главным образом тем, что она была родной внучкой Пушкина. С Дягилевым леди Торби была исключительно любезна. Она рассказала ему, что хранит у себя неопубликованные сокровища — письма своего великого деда к ее бабушке, тогда его невесте — Н. Н. Гончаровой. Леди Торби прибавила, что после того, как она вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича, и ему за этот брак было запрещено жить в России, она поклялась, что принадлежащие ей письма Пушкина никогда не попадут на родную землю. Слово свое она крепко держала. Леди Торби обещала завещать Дягилеву один из бесценных автографов. Она умерла через несколько месяцев после этого разговора. Дягилев стал буквально бредить этим письмом и поставил себе целью получить его. Ему отчасти помогло то, что великий князь Михаил Михайлович в то время нуждался, постоян-

но болел и плохо разбирался в чем бы то ни было.

— Мне мои дочери не помогают и держат меня в черном теле, — говорил он Дягилеву. — Я уступаю вам, Сергей Павлович, все письма Пушкина. Мне не хватает на «красненькое»... Вы только ничего не говорите моим дочерям... — В результате Дягилев приобрел не одно, а все письма, все эти бесценные сокровища за 50 тысяч франков. А после его смерти я стал владельцем большей части его архива.

К этому я хотела бы прибавить, что в 1956 году во время гастролей Большого театра в Лондоне, в Ковент-Гардене, в антракте к Лифарю подошла элегантная дама — леди Мильдфордхевен, дочь графини Торби. Она сказала ему по-французски: Лифарь, я знаю, что вы приобрели письма Пушкина. Ну так вот, я хочу, чтобы вы продали мне их обратно. «Я ей ответил, — вспоминает Лифарь, — что эти сокровища принадлежат России, а не какой-то одной семье. И на этом наш разговор прекратился».

— Какие еще другие пушкинские реликвии находились в вашей коллекции? — спросила бы я Лифаря. И вот что он мог бы рассказать.

«Перечислю лишь самые главные из тех, которые я имел намерение передать Пушкинскому музею». (Он хотел это сделать в мае 1958 года, во время гастролей Парижской оперы в Москве, но в последний момент Лифарю было отказано во въездной визе в Советский Союз. — Прим. автора).

1. Рукопись двух строф шестой главы «Евгения Онегина». 2. Паспорт Пушкина, — подорожная, которая была выдана при высылке поэта на юг России. (Эти реликвии в 1961 году Лифарь подарил Пушкинскому дому, когда впервые приехал в Советский Союз в качестве туриста. — Прим. автора).

Приобрел я паспорт Пушкина случайно, — пишет Лифарь. — Роясь в ларьке одного букиниста на набережной Сены, я натолкнулся на этот пожелтевший листок. 3. Разрешение, выданное Пушкину, на право работать в архиве Министерства иностранных дел над документами по истории Петра Великого. 4. Печать Пушкина (не та ли, что Лифарь некогда приобрел у внучки Пушкина Елены Фозенмайер? — Прим. автора). 5. Портрет Пушкина (миниатюра) работы Тропинина. 6. Автограф романа Глинки. 7. Автограф Чайковского.

Должен прибавить, что коллекционеры во всем мире знали о моих сокровищах и не раз предлагали мне огромные суммы за некоторые из них. На каждое предложение я отвечал отказом, ибо я считал и продолжаю считать, что эти бесценные реликвии

гениального поэта России должны храниться только на его Родине».

ЭТИМИ семью реликвиями не исчерпывалась пушкинская коллекция Лифаря. Здесь были также миниатюрные портреты родителей поэта работы Вуаля, рукопись предисловия Пушкина к «Путешествию в Арзрум» (передана Лифарем для Пушкинского дома в 1956 году во время декады советской книги в Париже. — Прим. автора), один из вариантов картины Г. Чернецова «А. С. Пушкин у «Фонтана слез» в Бахчисарайском дворце», картина (масло) пушкинской эпохи «Пушкин на Украине в деревне», занавески — шелковая ткань на холщовой подкладке, висевшие в квартире на Мойке, позже перевезенные в Михайловское и затем оказавшиеся у сына Пушкина — Григория. Приобретенное в 1965 году Сергеем Лифарем письмо Пушкина. История его весьма интересна. Оно находилось в семейном архиве графов Витте-Нарышкиных. Лифарь получил его в обмен на бывшие в его коллекции два портрета конца XVII века — Петра Великого и его матери Натальи Нарышкиной. Вот что пишет об этом в своей книге Лифарь: «Письмо написано Пушкиным в 1835 году. Кому? Кто-то был в данном случае адресатом великого поэта? Это тем более интересно, что адресат, или, точнее, «адресатка», Пушкина была, по-видимому, очень хорошей знакомой. Письмо написано на двух страницах почтовой бумаги обычного формата. Вот его полный текст: «Мой Ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Вульф, сказав, что Вы опять собираетесь приехать в наши края. Приезжайте, ради бога, хоть к 23-му. У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу Вам, а наискось от меня сидите Вы в образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время».

И путешествие в Опочку и прочее. Простите мне мою дружескую болтовню. Целую Ваши ручки.

А. П.»

Адресат этого письма установлен пушкинистами — это Александра Ивановна Беклеванная, падчерица П. А. Осиповой, дочь второго мужа. Пушкин в годы ссылки в Михайловское отличал юную Алинку, как ее называли домашние. Ей посвящено его знаменитое стихотворение:

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!..

Поэт с нетерпением ждал ее приезда в 1835 году, ког-

да он в последний раз приехал в Михайловское, и был «очень весел, хохотал, прыгал по-прежнему», но их свидание так и не состоялось.

В Пушкинскую Лифаря входили автографы Державина, Вяземского, Некрасова, нотные оригиналы Глинки. Особый интерес представляла музыкальная пьеса на шести страницах, где рукой композитора было написано: «Мери». Песни из драматической сцены А. С. Пушкина «Пир во время чумы». Посвящена М. С. К. Варшава, 23 декабря 1849 года». Были в коллекции портреты героя Отечественной войны Ржевского, альбом Марии Тальони, преподнесенный ею во время ее гастролей в Петербурге в 1837 г. (Лифарь передал его через И. С. Зильберштейна в дар Государственному музею А. С. Пушкина), портрет Пушкина — рисунок пером Ю. Анненкова, «Медный всадник» А. Бенуа, картина К. Брюллова «Одалиска», иллюстрации к произведениям Пушкина художников М. Добужинского, А. Бенуа, Ю. Анненкова и многое другое.

Почему же все эти сокровища, которые Сергей Михайлович не раз собирался преподнести в дар Советскому Союзу, так и не попали на Родину? Более того, многие из них уже проданы с аукциона. А каталог последней выставки Лифаря в Лозанне подтвердил самые худшие предсказания Фальц-Файна: то немногое, что еще осталось из пушкинской коллекции, более не принадлежит Сергею Михайловичу, все это стало собственностью многолетней подруги его жизни, шведской графини Лилиан Алефельд. Так что данное Лифарем перед телевизионной камерой в сентябре нынешнего года обещание вернуть в Советский Союз хотя бы двенадцать писем великого поэта почти наверняка не будет выполнено. Упущено время, когда страстный и бескорыстный поклонник Пушкина мечтал безвозмездно передать все это в Музей личных коллекций в Москве. В награду он просил немного: разрешить ему поставить в Советском Союзе один из его балетов. Больше всего ему хотелось увидеть на сцене Большого или Кировского театров его знаменитую «Федру».

Не получилось почему-то с «Федрой», но ведь можно было отметить то, что он передал в дар Родине пушкинские реликвии, оригинальный рисунок Лермонтова. Когда Сергей Лифарь узнал, что его друг Эдуард Александрович Фальц-Файн вручил Почетный знак Общества дружбы с зарубежными странами, он с горечью заметил ему: — а у меня, мол, такого знака нет.

Надо заметить, что наши соотечественники, живущие за границей, весьма чувствительны к малейшим знакам внимания. Случилось так, что Золотая медаль города Лозанны и привственная награда Министерства культуры СССР по случаю открытия выставки были почтены Сергеем Михайловичем в один и тот же день. Севиды утверждали: телеграмма из Москвы произвела на Лифаря большее впечатление.

С. БАЛАШОВ

ВЕНА.

Пока статья готовилась печатать, пришло известие: в Ленинграде на 81-м году жизни скончался Сергей Лифарь.